

*Л. В. Кириллина**

В. Д. КОРГАНОВ И ЕГО ТРУДЫ О БЕТХОВЕНЕ**

Василий Давидович Корганов (1865–1934) — русский и армянский пианист, музыковед и музыкальный критик, автор работ о западноевропейских композиторах (Моцарт, Верди) и о музыкальной культуре Кавказа. Целый ряд публикаций Корганова начиная с 1888 года был посвящен Бетховену. Корганов первым осуществил издание 117 избранных писем Бетховена в переводе на русский язык (1900–1904) и создал первую масштабную биографию композитора на русском языке: «Бетховен. Биографический этюд» (1910) объемом в 944 страниц. В статье исследуется исторический контекст, способствовавший появлению этого труда, рассматриваются его достоинства и недостатки, оценивается роль Корганова в развитии русской бетховенистики.

Ключевые слова: Корганов, Бетховен, письма Бетховена, биография Бетховена, Калишер, Тайер, Ноль, Финдейзен, Большая fuga op. 133.

L. V. Kirillina

V. D. KORGANOV AND HIS BEETHOVEN STUDIES

Vassily Davidovich Korganov (1865–1934) was a Russian and Armenian pianist, musicologist and music critic, who wrote on Western European composers (Mozart, Verdi) and on the musical culture of the Caucasus. A significant number of Korganov's publications since 1888 have been dedicated to Beethoven. Korganov was the first to publish a selection of 117 Beethoven's letters translated into Russian (1900–1904). He also created the first large-scale Russian biography of his favourite composer: "Beethoven. Biographical sketch" (1910), a volume of 944 pages. The article elucidates the historical context that contributed to the

* Кириллина Лариса Валентиновна, профессор, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского; Государственный институт искусствознания; Русская христианская гуманитарная академия; larissa_kir@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00457 «Бетховен: Личность и творчество Людвига ван Бетховена в зеркалах рецепций и интерпретаций».

emergence of this work, examines its advantages and disadvantages, and evaluates Korganov's role in the development of Russian Beethoven studies.

Keywords: Korganov, Beethoven, Beethoven's letters, Beethoven's biography, Kalischer, Thayer, Nohl, Findeisen, Grand Fugue op. 133.

История музыки XIX века, особенно немецкая и находившаяся под ее сильным влиянием русская, склонялась к «бетховеноцентризму». Бетховен мыслится как поворотная и ключевая фигура в историческом процессе. По мнению большинства музыкантов, этот процесс был неуклонно поступательным и развивался в сторону всё большего укрупнения форм, усложнения музыкального языка, углубления философского и психологического дискурса, присущего великим произведениям искусства. Бетховен достойным образом увенчивал линию гениальных мастеров XVIII века (Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт) и в то же время открывал пути композиторам-романтикам самых разных творческих направлений, от Шуберта до Брамса и Брукнера и от Берлиоза до Вагнера.

Хотя в первых русских консерваториях, Санкт-Петербургской и Московской, специального курса истории музыки долгое время не было, «бетховеноцентристская» концепция присутствовала и в музыкальной критике (прежде всего, в статьях Александра Николаевича Серова), и в артистических и публицистических выступлениях Антона Григорьевича Рубинштейна, и в учебных пособиях, которые были преимущественно переводными: «Руководство к изучению истории музыки» Аррея фон Доммера, изданное в 1884 году [6], «Катехизис истории музыки» Хуго (Гуго) Римана в двух частях, вышедший в свет в 1886–1887 годах [19], и т. д.

Тем не менее русским музыкантам и любителям музыки требовалась литература, которая бы не просто причисляла Бетховена к сонму богов того или иного рода, а освещала реальную биографию великого композитора, содержала обзор его творчества, приводила подлинные документы, вписывала бетховенский стиль в процесс развития музыки Нового времени. Созданные в середине XIX века труды музыковедов-дилетантов, Вильгельма фон Ленца и Александра Дмитриевича Улыбышева, к концу столетия выглядели устаревшими, поскольку в них не учитывались более поздние достижения западной бетховенистики. Важным препятствием для их широкого распространения в конце столетия оказалось и то, что они были написаны на иностранных языках, французском и немецком, а стиль изложения был слишком эссеистическим и нередко просто сумбурным.

Оптимальным выходом из положения могли ли бы стать переводы на русский язык серьезных зарубежных исследований, которых, впрочем, в то время тоже было не очень много. Долгое время вне конкуренции оставалась трехтомная монография Людвиг Ноля «Бетховен. Его жизнь и творения», вышедшая в свет на русском языке в 1892 году [14]. Не были переведены ни биография Бетховена, написанная его секретарем Антоном Феликсом Шиндлером (впрочем, она изначально содержала массу вымыслов, а тексты первого издания 1840 года и третьего 1860 года сильно различались по объему и содержанию), ни «Биографические заметки о Людвиге ван Бетховене», изданные в 1838 году друзьями композитора Францем Герхардом Вегелером и Фердинандом Рисом,

ни основополагающие труды корифеев научной бетховенистики — Александра Уилока Тайера, авторитетнейшего биографа, и Густава Ноттебома, исследователя бетховенских эскизов. В русских музыкальных газетах и журналах периодически публиковались рецензии на важные зарубежные издания и фрагменты переводов интересных статей о творчестве Бетховена (например, очерков Гектора Берлиоза о бетховенских симфониях). Печатались и статьи русских авторов, посвященные отдельным крупным произведениям Бетховена или его личности в целом. Материал постепенно накапливался, но значительных по объему и содержанию книг на русском языке долгое время не появлялось. Возможно, подобную книгу мог бы создать Серов, написавший много ценных статей о Бетховене, но этому помешала его внезапная смерть в начале 1871 года [8, с. 300–303].

На этом фоне особенно весомыми выглядят заслуги Василия Давидовича Корганова (1865–1934), который на протяжении десятилетий усердно занимался изучением жизни и творчества Бетховена. Эти труды увенчались созданием первой основательной биографии композитора, написанной и опубликованной на русском языке.

Личность Корганова весьма интересна сама по себе. Он происходил из состоятельной армянской семьи, много лет жившей в Тифлисе (ныне Тбилиси); на армянском языке его имя звучало как Барсег Коргинян. Выбрав в юности профессию военного инженера, он несколько лет учился в Петербурге, но в 1888 году вернулся в Тифлис и работал по полученной специальности, а в 1896 году вышел в отставку и всецело посвятил себя музыке как пианист, критик и музыковед-историк. Никаких материальных проблем он не испытывал, так что занимался искусством исключительно по зову сердца. Музыкой Корганов увлекался с ранних лет, он хорошо играл на рояле, сочинял, а во время учебы в Военно-инженерном училище в Петербурге познакомился с Антоном Григорьевичем Рубинштейном и Цезарем Антоновичем Кюи (последний преподавал в училище фортификацию). После 1925 года Корганов жил в Ереване, где занимал ряд видных постов в ведущих культурных учреждениях, а в 1934 году был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Армянской ССР [7, с. 68–69].

В силу этих биографических обстоятельств многие статьи и книги Корганова издавались в Тифлисе, и хотя они поступали в магазины и библиотеки других городов, включая Москву и Петербург, Корганов вел свою обширную музыкально-просветительскую деятельность в основном в Грузии, а затем в Армении. Он писал не только о Бетховене, но также о Верди, Моцарте и о музыке кавказских народов, а в последние годы жизни разбирал архив выдающегося армянского композитора Александра Спендиарова. В начале 1900-х годов Корганов совершил большую поездку по Европе, посетив в том числе Германию и Австрию (следовательно, места, где жил и работал Бетховен, Корганов видел своими глазами).

Еще в 1888 году Корганов опубликовал в Тифлисе небольшую книжечку «Жизнь и сочинения Людвиг ван Бетховена». Она включала всего лишь 56 страниц авторского текста и еще несколько страниц с указателем произведений. В предисловии Корганов упоминал досадный факт отсутствия на русском языке

книги о Бетховене и называл основные источники информации, которыми он пользовался: статья о Бетховене во французском «Биографическом словаре музыкантов», составленном Франсуа-Жозефом Фетисом, «Биография Людвиг ван Бетховена», написанная Антоном Шиндлером, и труд Вильгельма фон Ленца «Бетховен и три его стиля». Однако из самого текста Корганова явствует, что он знал и множество других публикаций о Бетховене, как старых (брошюра Иоганна Алоиза Шлоссера 1828 года, книга Игнаца фон Зейфрида 1832 года), так и новых (Корганов, в частности, ссылается на статью, изданную в 1888 году [13, с. 46]). Помимо биографического очерка, первая, пока еще очень скромная, книга Корганова о Бетховене содержала краткие этюды о двух произведениях, которые автору казались ключевыми для понимания творчества композитора: о Патетической сонате и о Девятой симфонии. Как и А. Г. Рубинштейн, Корганов был убежден в том, что в финале Девятой симфонии звучит гимн не просто Радости, а Свободе [13, с. 52].

Эта небольшая книжечка вряд ли стоила бы отдельного разбора, если бы за ней не последовали аналогичные издания других авторов и если бы сам Корганов не продолжил свое «паломничество к Бетховену» в последующих трудах. Идея популяризации творчества Бетховена, пусть даже посредством пересказа зарубежных изданий, оказалась на том этапе плодотворной и очень востребованной.

В 1893 году в просветительской серии «Жизнь замечательных людей», издававшейся Флорентием Фёдоровичем Павленковым (1839–1900), появилась брошюра о Бетховене [5], написанная композитором, автором популярных романсов, Иваном Августовичем Давидовым (1861–1906). В очень компактной форме, ясным и доходчивым слогом Давидов преподнес читателям биографию Бетховена, опираясь на иностранные источники, список которых он приводил в конце. Здесь, в отличие от брошюры Корганова, учитывались солидные труды Адольфа Бернгарда Маркса, Александра Уилока Тайера, Густава Ноттебома и Людвиг Ноля. Поскольку издания Павленкова распространялись большими тиражами, брошюра Давидова знакомила с жизнью Бетховена не только музыкантов, но и всех интеллигентных читателей, посещавших концерты или просто интересовавшихся музыкой.

Тем временем Корганов изучал и переводил на русский язык письма Бетховена — самый достоверный первоисточник сведений о жизни композитора. Разумеется, всякий исследователь, имевший дело с эпистолярным материалом, понимает, что полностью полагаться на точность таких документов нельзя: многие письма Бетховеном не датированы, в них встречаются ошибки и опiski в названиях и именах, факты могут трактоваться крайне субъективно, о чем-то просто умалчивается. Но в любом случае подлинные слова Бетховена для биографа гораздо весомее, чем суждения его современников, не говоря уже о высказываниях авторов, пишущих о Бетховене на основании каких-то легенд, слухов и мифов.

Сколько-нибудь полной и систематической публикации бетховенских писем, разбросанных по самым разным коллекциям, архивам и хранилищам, вплоть до начала XX века не существовало. Отдельные письма Бетховена начали публиковаться в музыкальных журналах еще при жизни композитора,

в 1825–1826 годах, а также вскоре после его смерти («Гейлигенштадтское завещание» 1802 года и письмо к так называемой Бессмертной возлюбленной 1812 года). Постепенно к этим важнейшим документам прибавились очень субъективно составленные и нередко отцензурированные подборки писем, приложенные к книге Зейфрида (1832), к мемуарам Франца Герхарда Вегелера и Фердинанда Риса (1838), к биографии Шиндлера (1840). Редакторские сокращения и пробелы в текстах объяснялись тем, что в эти годы были живы многие адресаты Бетховена, о которых он отзывался порой довольно несдержанно, а другие упомянутые там лица, особенно из числа высшей знати, вероятно, вообще не хотели бы видеть своих имен в печатных изданиях.

Попытки выявить, собрать и опубликовать все доступные на тот момент письма Бетховена предприняли в 1860-х — 1870-х годах Ноль и Тайер. Ноль в 1865 и 1867 годах издал собрание писем Бетховена в двух частях [24; 25], а Тайер включил все известные ему письма и документы в текст своей монументальной «Жизни Бетховена», над которой работал примерно в то же время, но так и не успел завершить.

Неопубликованные письма Бетховена продолжали «всплывать» в различных архивах и частных коллекциях, обогащая бетховенистику новыми, порой сенсационными открытиями. Русские музыканты и музыковеды следили за такими публикациями, и о них можно было узнать из газет и журналов. Особенно пристальное внимание уделялось новым материалам о Бетховене в «Русской музыкальной газете» (РМГ), созданной и руководимой выдающимся историком и источниковедом Николаем Фёдоровичем Финдейзеном (1868–1928). Хотя собственные труды Финдейзена были посвящены в основном русской музыке, он хорошо разбирался и в бетховенистике, прежде всего как текстолог и источниковед [9, с. 277–301]. Поэтому в уже в 1894 году в только что основанной Финдейзеном «Русской музыкальной газете» были опубликованы переводы писем Бетховена к графине Марии Эрлэди за 1815–1819 годы, взятые из собрания, изданного Альфредом Шёне в 1867 году [26]. Это очень важный эпистолярный источник, проливающий свет на личность композитора и на его взаимоотношения с графиней Эрлэди, искусной пианисткой, близким другом и преданной поклонницей Бетховена. К сожалению, в РМГ не был указан автор перевода и кратких комментариев к русской публикации писем [15, с. 210–213]. Возможно, им был сам Финдейзен, поскольку переводы отличаются от тех, которые сделал позднее Корганов. Однако Корганов с 1895 года сотрудничал с РМГ и общался с Финдейзеном как лично, так и по переписке (сохранилось 40 писем и 9 открыток Корганова, адресованных Финдейзену, за 1894–1915 годы [21, с. 330]). Несомненно, Финдейзен и Корганов были в этом отношении единомышленниками.

В 1900 году Корганов напечатал в газете «Кавказский вестник» в общей сложности 117 писем Бетховена к разным лицам в переводе на русский язык, что не имело precedентов в российской бетховенистике. Эти периодические публикации, в свою очередь, легли в основу отдельного издания «Письма Л. ван Бетховена», в переводе и с примечаниями Корганова, вышедшего в свет в Петербурге в 1904 году как приложение к РМГ — то есть очевидно при помощи и поддержке Финдейзена.

Стремление Корганова представить читателям «автопортрет» Бетховена в его письмах соответствовало тенденциям тогдашней бетховенистики и даже несколько опережало их. В 1906–1908 годах в Берлине и Лейпциге было опубликовано самое полное на тот момент пятитомное собрание писем Бетховена [23], подготовленное видным историком-искусствоведом и литератором Альфредом Кристибом Калишером (1842–1909). В отличие от большинства предыдущих публикаторов, Калишер постарался, во-первых, собрать по возможности все известные на тот момент документы (около 1200), во-вторых, расположить их в хронологической последовательности (то есть датировать те, в которых не было даты), а в-третьих, подробно прокомментировать как текстологический аспект публикации (внешний вид автографа, особенности почерка, поправки и вычеркивания), так и содержание писем. Такой подход был вполне научным и новым для своего времени. Ведь обычный читатель воспринимает письма Бетховена просто как некий связный текст, подобный тем, которые встречаются в эпистолярных романах. Но специалистам очень важно знать, где находится автограф, как он выглядит, какие возможны варианты расшифровки неясных мест или сокращенных слов, к какому году и месяцу следует отнести документ на основании имеющихся данных и т. д.

Издание писем Бетховена, за которым последовали и другие документальные публикации, принесло Калишеру заслуженное признание. Обращаясь к Калишеру 25 февраля / 5 марта 1908 года, Финдейзен писал: «Я уже давно с величайшей радостью признаю в Вас первейшего бетховениста нашего времени» [22, с. 342].

Василий Давидович Корганов опубликовал в 1909 году в РМГ рецензию на калишеровское собрание писем Бетховена, высоко оценив титанический труд немецкого бетховениста. Немалое место в рецензии занимало описание тех проблем, с которыми неизбежно сталкивается любой, кто вплотную соприкасается с подлинниками:

Слог писем его <...> сплошь тяжелый, что называется, — дубоватый, неуклюжий, с частыми попытками играть словами, шутить, острить и не менее частыми подчеркиваниями <...>. Множество сокращений в словах и разнообразие в начертании одних и тех же имен, ряд слов собственного изобретения и немало орфографических ошибок создают препятствие свободному чтению писем, к тому же еще обильных грамматическими вольностями: в одном месте пропущено сказуемое, в другом нет подлежащего, здесь имя собственное начинается с маленькой буквы, там глагол — большой буквой, часто знаки препинания отсутствуют целыми десятками, либо заменены чертою <...> [10, с. 681].

Корганов не упомянул еще и о том, что письма Бетховена обычно написаны готической скорописью, которая выглядит совсем непонятной для тех, кто привык к обычной латинице.

Несмотря на все эти трудности, Корганов продолжал заниматься переводом на русский язык фактически всех документов из собрания Калишера. Возможно, часть переводов он делал не собственноручно, а заказывал неизвестным помощникам, поскольку качество русского текста местами очень разнится: в некоторых случаях налицо и стилистическая неуклюжесть (вряд ли предна-

меренно отражающая черты оригинала), и смысловые ошибки. Параллельно он писал собственную книгу о Бетховене — на сей раз не брошюру, а объёмистый том, в который включил все имевшиеся в его распоряжении сведения о жизни и творчестве композитора.

Книга Корганова «Бетховен. Биографический этюд» появилась не в провинциальном Тифлисе, а в Петербурге и в Москве, в издательстве Маврикия Осиповича Вольфа (1825–1883). Последний, как и Павленский, был не просто коммерсантом, а видным просветителем, обладавшим энциклопедическими знаниями. Основным направлением деятельности Вольфа было распространение точных и естественных наук, но монументальный труд о Бетховене вполне соответствовал критериям издательства. На страницах книги Корганова читатель мог найти очень подробное изложение биографии композитора со всеми сопутствующими деталями, характеризующими время и место действия. Авторский текст, написанный живым и непринужденным слогом (правда, не всегда идеально правильным), постоянно чередовался с «прямой речью»: Корганов, по примеру Тайера, включил в свое повествование тексты всех писем Бетховена, опубликованных на тот момент (за основу был взят пятитомник Калишера). Кроме того, Корганов цитировал или пересказывал множество мемуаров современников композитора, называя, как правило, их имена, но не ссылаясь на печатные первоисточники.

При таком обилии исторических материалов оставалось не так уж много места для собственных оригинальных размышлений, и Корганов, будучи хорошим музыкантом, в данном случае предпочел уйти в тень и почти не углубляться в проблемы творчества Бетховена в целом или в анализ конкретных произведений. Возможно, он делал это сознательно, в противоположность крайне субъективным трактовкам творчества Бетховена в книгах Ленца и Улыбышева, а также в русской музыкальной прессе. В книге Корганова мы практически не найдем разборов даже самых знаменитых, вершинных произведений Бетховена; о них лишь упоминается в связи с биографическими событиями.

Одно из немногих исключений — музыка пяти последних струнных квартетов, которые с самых первых шагов русской бетховенистики (новелла Владимира Фёдоровича Одоевского «Последний квартет Бетховена», 1830) находились в центре полемики приверженцев и отрицателей «позднего» стиля композитора. К началу XX века художественные достоинства этих квартетов стали уже неоспоримыми, за одним исключением: Большая fuga op. 133 по-прежнему вызвала у многих уважаемых музыкантов либо полное неприятие, либо тягостное недоумение. Корганов решил для себя эту проблему весьма остроумно, оценив бетховенское творение как своего рода «музыку для глаз»:

Из последних квартетов наиболее интересен для чтения, но не для исполнения, op. 133, B-dur — Большая fuga — представлявшая собою первоначальный финал квартета op. 130; интересное для читателя голосоведение, смелое, оригинальное, звучит в исполнении настолько некрасиво, неприятно, что после смерти автора прошло более 30 лет, прежде чем нашлись квартетисты, задумавшие включить это произведение в свою программу; это были участники квартета Хельмсбергера и не менее знаменитого тогда «флорентинского квартета»; обе группы артистов в точности выполнили требование партитуры Бетховена, но это не спасло про-

вала фуги, где каждый инструмент звучит настолько самостоятельно, будто прочие трое не имеют с ним ничего общего. В наши дни фугу эту редко приходится слышать и трудно сказать — кто более от этого выигрывает: публика или слава Бетховена? [12, с. 743].

В приведенном рассуждении Корганова вряд ли можно усмотреть какую-то предвзятость. Автор опирался на свой собственный богатый слуховой и аналитический опыт, не отрицая исторического значения Большой фуги, но и не пытаясь похвалить ее во что бы то ни стало, дабы защитить репутацию любимого композитора. Нужно заметить, что «расслышать» это труднейшее произведение удалось, пожалуй, лишь во второй половине XX века, и для этого необходимо, чтобы оно исполнялось выдающимися музыкантами. Упомянутые в книге Корганова австрийский квартет во главе с Йозефом Хельмсбергером и итальянский Флорентийский квартет во главе с Жаном Беккером славились своим мастерством, однако, как явствует из слов Корганова, даже им Большая фуга оказалась не по силам. Партия каждого инструмента здесь действительно настолько трудна, что на первый план выходит задача просто сыграть все написанные ноты в заданных темпах. Технической корректности исполнения недостаточно для того, чтобы такое произведение произвело должное впечатление и на самих музыкантов, и на слушателей. Очень важен и художественный контекст. В конце XIX века фоном для Большой фуги служили камерные сочинения композиторов-романтиков, от Франца Шуберта до Антонина Дворжака. В XX веке этот контекст вобрал в себя новую и новейшую музыку. Поздние квартеты Бетховена встали в один ряд с произведениями Арнольда Шёнберга, Пауля Хиндемита, Дмитрия Шостаковича, Альфреда Шнитке, Луиджи Нono. По мнению Игоря Фёдоровича Стравинского, «Большая фуга возвеличивает Бетховена больше, чем любое другое произведение <...>. Музыка в Фуге бросает вызов всему, что нам хорошо знакомо, оставаясь новой на протяжении всего времени своего звучания» [2, с. 394]. При том, что даже сейчас Большую фугу нельзя считать легко воспринимаемым произведением, она входит в репертуар многих первоклассных квартетных ансамблей, и иногда именно ею исполнители завершают квартет ор. 130, как и было задумано композитором изначально.

Непосредственное ощущение исторического фона, на котором протекала жизнь Бетховена — одно из преимуществ книги Корганова. Издание не было щедро иллюстрированным (иллюстрации, как правило, весьма некрупные и выполнены не на глянцевых вклейках), однако в ходе повествования появляются не только портреты Бетховена и его современников, но и изображения упоминаемых мест, фотографии принадлежавших Бетховену бытовых предметов (из экспозиции Дома-музея в Бонне), факсимиле некоторых автографов и проч. Дабы читатель мог лучше ориентироваться в венской топографии, Корганов приложил к книге также схематический план Вены начала 1800-х годов. Эта деталь также важна для любого биографа, который намерен придерживаться фактов, а не фантазий. В письмах Бетховена постоянно упоминаются районы Вены, конкретные улицы и дома, так что читатель может представить себе ту обстановку, которая окружала Бетховена и которая сильно изменилась после 1857 года, когда по указу императора Франца Иосифа началась масштабная реконструкция центра Вены.

К книге был приложен не только список сочинений Бетховена, что обычно для изданий такого рода, но и обширная аннотированная библиография важнейших трудов о композиторе, изданных как за рубежом, так и в России. Последнее стоит отметить особо: ранее никто и никогда не брал на себя задачу сделать краткий и ёмкий обзор всей мировой бетховенианы, включая самые недавние публикации.

Единственное, чего не хватало книге Корганова по нынешним меркам, — это именного указателя, но составить его было, видимо, в тот момент технически трудно или вообще невозможно в силу огромного объема издания (944 страницы). Наверное, не помешал бы и указатель цитируемых писем Бетховена по инципитам текстов или по именам адресатов. Отчасти эту лакуну восполнил Натан Львович Фишман, который в указателях к своему собранию писем Бетховена в сравнительных таблицах нумерации к трем первым томам приводил страницы по книге Корганова [16, с. 510–513], [17, с. 468–472], [18, с. 570–574]. При работе над дополненным переизданием собрания Фишмана и завершением последнего, четвертого тома [3], мы отказались от этой графы, поскольку, как нам думалось, к тому времени она утратила свою актуальность.

Несмотря на проделанную Коргановым огромную работу, его книга так и не стала краеугольным камнем всей российской бетховенианы XX века. Достоинства книги Корганова обусловили и ее недостатки. В ней фактически нет отчетливой авторской концепции личности и творчества Бетховена. Между тем, несмотря на все субъективные крайности, такие концепции присутствовали в старых книгах Ленца и Улыбышева, написанных на иностранных языках и уже по этой причине не вполне доступных широкому кругу русских читателей. Очевидно, что Корганов преклонялся перед Бетховеном, хотя не закрывал глаза на его человеческие слабости и недостатки. Но получилось так, что огромная по объему биография стала портретом прежде всего Бетховена-человека, а не Бетховена-художника. Движимый желанием максимально приблизиться к своему герою, Корганов во многих главах надолго замолкал, предоставляя Бетховену самому рассказывать о своих «трудах и днях». Автор практически не спорил с ним, не поправлял неточности, не пояснял непонятные высказывания, не приводил других мнений или делал это очень редко и скупо.

Желая того или нет, Корганов стал одним из первооткрывателей особого жанра биографического повествования — «жизнь в письмах и документах». В XX веке таких книг издавалось немало, в том числе о Бетховене. Монография же предполагала более связный авторский текст, а также более подробное рассмотрение творчества композитора: эволюции его стиля, новых качеств его музыкального языка, особенностей композиции самых знаменитых шедевров. Корганов, очевидно, нацеливался на внимание широкой аудитории и сознательно избегал ученого теоретизирования. В итоге музыканты стали воспринимать его труд скорее как собрание разнообразных анекдотов о Бетховене, нежели как источник авторитетных суждений.

Вероятно, с трудной задачей соблюдения баланса между авторским высказыванием и необходимостью введения в текст максимального количества документов столкнулся и авторитетнейший биограф Бетховена Александр Уилок Тайер, который, будучи американцем, писал свой труд на английском

языке, но в итоге оставил его незаконченным, доведя повествование до 1816 года. Тайер много работал в архивах, для него добывал ценные первоисточники и мемуарные свидетельства современников видный немецкий музыковед Отто Ян, а переводчиком уже созданных Тайером томов на немецкий язык стал филолог Герман Дейтерс. Когда Тайер начал работать над составлением биографии Бетховена, еще не существовало отдельных публикаций писем композитора или сборников мемуаров о нем, и Тайер, как позднее и Корганов, старался включить все эти тексты внутрь своего повествования. Однако Тайера нельзя упрекнуть в отсутствии собственного взгляда на явления и события. Иногда он не скрывает эмоциональных и моральных оценок, стараясь, впрочем, сохранять благородную сдержанность тона и надлежащее уважение к главному герою своего труда. Но Тайер, в отличие от Корганова, не был музыкантом и не считал себя вправе пускаться в подробные разборы сочинений Бетховена. Этот слой добавил в повествование Рима, завершивший труд Тайера и Дейтерса публикацией в 1901–1908 годах пятитомника на немецком языке [27]. Судя по библиографической аннотации Корганова, во время создания своей монографии Василий Давидович еще не был знаком с пятитомником Тайера — Дейтерса — Римана, но знал предыдущий трехтомный вариант, изданный Дейтерсом, ограниченный периодом до 1816 года и не содержащий анализов музыкальных произведений Бетховена [12, с. 924–925].

Другие издававшиеся на русском языке монографические труды о Бетховене не могли соперничать с книгой Корганова по полноте охвата материала и по степени осведомленности исследователя о новейших открытиях в этой области. В 1909–1910 годах в Петербурге была издана книга «Бетховен. Жизнь. Личность. Творчество» (в 3 частях), автор которой предпочел сокращенно обозначить себя как «А. Г-кен». Под этим прозрачным полупсевдонимом скрывался Антон Антонович Гинкен (1847–1913), книговед, библиограф, человек в своей области глубоко эрудированный, но все-таки не музыкант и не музыковед. Круг источников, которыми он пользовался, оказался намного ограниченнее, чем у Корганова, и к тому же большинство из них уже не являлись актуальными. Труд Тайера — Дейтерса — Римана в списке источников не указан, зато фигурируют довольно старые на тот момент монографии Адольфа Бернгарда Маркса и Ноля, причем Ноль — в русском переводе, а не в оригинале [4, с. 5]. Тексты многих писем были переведены Гинкеном не с немецкого подлинника, а с французских публикаций, что неизбежно приводило к смысловым искажениям. Корганов критиковал книгу Гинкена за произвольный подбор источников и сетовал на плохое качество русского перевода выпущенной в 1892 году монографии Людвиг Ноля [12, с. 923–924].

Нужно заметить, что в XIX–XX веках на русский язык по мере возможности старались переводить всё, что имело важное культурное, историческое и научное значение, от древности до современности. Однако в отношении зарубежных книг о Бетховене наблюдалась не всегда понятная избирательность. Здесь многое зависело от инициативы конкретных людей, энтузиастов бетховенистики или издателей, готовых взять на себя издержки публикации. За перевод фундаментального пятитомника Тайера — Дейтерса — Римана

не отважился взяться никто, а книга Корганова всё-таки не могла заменить этот фундаментальный труд.

Зато в 1910-е годы появились переводы других важных работ зарубежных авторов, прочно вошедших в круг чтения русских музыкантов и любителей музыки. Поэт, переводчик и музыкальный критик Виктор Павлович Коломийцов (1868–1936) перевел небольшую книгу Вагнера «Бетховен» (1870), в которой воспевался «германский» дух композитора. Первое издание книги вышло в свет в Москве и Петербурге в 1911 году, а в 1912 последовало второе. В 1912 году появился перевод одного из ключевых для русской бетховенистики XX века текстов — «Жизни Бетховена» Ромена Роллана [20]. Корганов ранее познакомился с этой книжечкой по французскому оригиналу и, оценив ее в целом очень положительно, отметил несколько небрежное отношение Роллана к фактам и документам. На тот момент Корганов, безусловно, лучше владел источниками, чем Роллан:

Будучи знаком с новейшим и полнейшим сборником писем под редакцией Калишера, автор постоянно руководствуется сборником Ноля; <...> несколько писем, помещенных в конце книжки, приведены в сокращенном виде, без указания о том [12, с. 924].

Эти изъяны не мешали очерку Роллана завоевать невероятную и повсеместную популярность у массового читателя, что приятно удивило самого автора. В России же Роллан в XX веке превратился в едва ли не главного и наиболее цитируемого бетховениста.

Важное значение имел перевод на русский язык обширного труда о Бетховене, созданного выдающимся немецким музыкантом Паулем Беккером (1882–1937). Издание осуществлялось в трех частях [1]: I — «Биография. Поэтическая идея», II — «Фортепианные произведения. Хронологическая таблица» (обе части — 1913), III — «Симфонии» (1915). Книга Беккера, выдержанная в традициях солидного немецкого музыковедения, но написанная отнюдь не наукообразным языком, создавала образ Бетховена как композитора, наделенного глубоким интеллектом и сугубо германской склонностью к рефлексии, в равной мере философской и поэтической. На первом плане здесь находилась музыка и ее внутреннее развитие. Такой подход словно бы уравнивал беллетристический стиль Роллана и несколько приземленный биографический уклон книги Корганова.

Всё это создавало богатую и плодотворную почву для появления оригинальных исследований о Бетховене на русском языке. Однако естественно развивавшийся процесс был прерван революционным тектоническим сдвигом 1917 года. Старые книги отошли в тень — их не переиздавали, и на них почти не ссылались. А новые появились очень нескоро, и уже на совсем иной идейной и эстетической основе. В течение ближайших ста лет в России ничего сопоставимого по объему из печати не выходило. Не было, впрочем, и переизданий книги Корганова, за исключением репринта, осуществленного в 1997 году в Москве с сугубо коммерческими целями [11]. Текст был выпущен в свет безо всяких научных предисловий и комментариев, которых он, безусловно, требовал и заслуживал. В настоящее время вряд ли можно

рекомендовать неискушенному читателю знакомство с биографией Бетховена по книге Корганова: она безнадежно устарела и в фактологическом, и в методологическом отношении. Но всё это не умаляет исторических заслуг Корганова как одного из русских биографов Бетховена и не делает его книгу менее интересной для специалистов. Грандиозный труд Корганова надолго стал самой подробной биографией Бетховена на русском языке и важным памятником своей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беккер П. Бетховен / пер. с нем. Г. А. Ангерт под ред. Д. С. Шора. 1) Вып. I: Биография. Поэтическая идея. — М., 1913; 2) Вып. II: Фортепианные произведения. — М., 1913; 3) Вып. III: Симфонии. — М., 1915.
2. Бетховен Л. ван. Pro et contra. Личность и творчество Л. ван Бетховена в оценках современников, композиторов, писателей, публицистов, ученых-исследователей прошлого и настоящего. Антология. — СПб., 2020.
3. Бетховен. Письма: в 4 томах / изд. 2-е, доп. — М., 2011, 2013, 2013, 2016.
4. Г-кен [Гинкен] А. Бетховен. — СПб, 1909. — Ч. 1.
5. Давидов И. А. Бетховен. Его жизнь и музыкальная деятельность Биографический очерк. — М., 1893.
6. Доммер А. фон. Руководство к изучению истории музыки / пер. А. Желябужской, под ред. и с прилож. очерка ист. музыки в России З. Дурова. — М., 1884.
7. Кеда А. А. КОРГАНОВ, Корганян Василий (Барсер) Давидович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. — М.: Большая российская энциклопедия, 1994. — Т. 3: К–М. — С. 68–69.
8. Кириллина Л. В. Серов и Бетховен // Вестник РХГА. — 2021. — Т. 22. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 295–304.
9. Климовицкий А.И. Н. Финдейзен: Страницы отечественной бетховенианы // Искусствознание и гуманитарные науки современной России: параллели и взаимодействия: Сб. ст. по материалам Международной научной конференции 9–12 апреля 2012 г. — М., 2012. — С. 277–301.
10. Корганов В. Д. [В. Д. К.] Beethovens Sämtliche Briefe. Kritische Ausgabe mit Erläuterungen von Dr. Alf. Chr. Kalischer. Berlin, 1906–1908 // Русская музыкальная газета. — 1909. — № 30–31. — С. 680–682.
11. Корганов В. Д. Бетховен: Биографический этюд. — М.: ТОО «Алгоритм»; АО «Арт-Бизнес-Центр», 1997
12. Корганов В. Д. Бетховен: Биографический этюд. — СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1910.
13. Корганов В. Д. Жизнь и сочинения Людвиг ван Бетховена. — Тифлис, 1888
14. Ноль Л. Бетховен. Его жизнь и творения / пер. В. Кронеберг. — М., 1892. — Т. I–II. Юность.
15. Письма Бетховена к графине Марии Эрдёди // Русская музыкальная газета. — 1894. — № 10. — С. 210–213.
16. Письма Бетховена. — М., 1970. — Т. 1: 1787–1811 / сост., авт. вступ. ст. и комм. Н. Л. Фишман, пер. Н. Л. Фишмана и Л. С. Товалёвой.
17. Письма Бетховена. — М., 1977. — Т. 2: 1812–1816 / сост., авт. вступ. ст. и комм. Н. Л. Фишман, пер. Н. Л. Фишмана и Л. С. Товалёвой.

18. Письма Бетховена. — М., 1986. — Т. 3: 1817–1822 / сост., авт. вступ. ст. и комм. Н. Л. Фишман и Л. В. Кириллина, пер. Л. С. Товалёвой и Н. Л. Фишмана.
19. Риман Г. Катехизис истории музыки: в 2 ч. / пер. с нем. Н. Кашкина. — М., 1896–1897.
20. Роллан Р. Жизнь Бетховена / пер. С. Тарасова. — СПб., 1912.
21. Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1892–1901 / вступ. ст., расшифр. рукоп., коммент. и подг. к изд. М. Л. Космовской. — СПб., 2004.
22. Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1902–1909 / вступ. ст., расшифр. рукоп., коммент. и подг. к изд. М. Л. Космовской. — СПб., 2010.
23. Kalischer A. Chr. (Hrsg). Beethovens Sämtliche Briefe. — Berlin, 1906–1908. — Bd. I–V.
24. Nohl L. Briefe Beethovens. — Stuttgart, 1865
25. Nohl L. Neue Briefe Beethovens. — Stuttgart, 1867.
26. Schöne A. Briefe von Beethoven an Marie Gräfin Erdödy, geb. Gräfin Niszký, und Mag. Brauchle. — Leipzig, 1867.
27. Thayer A. W. Ludwig van Beethoven's Leben / bearbeitet von H. Deiters, neu bearbeitet und ergänzt von H. Riemann. — Leipzig, 1901–1908. — Bd. 1–5.